

Г.Л. Тульчинский

Sciences и humanities: уточнение различий и перспектив синтеза*

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; e-mail: gtul@mail.ru

В статье предлагается попытка преодолеть жесткое противопоставление наук о природе и наук о человеке. Оба типа научного знания реализуются в трех способах презентации: фактологических описаниях, установлении детерминистских зависимостей и установлении целевого контекста. Такая общая платформа позволяет конкретизировать их взаимодействие. Так, результаты исследований психофизиологии мозга демонстрируют потенциал гуманитарных концептов (нарративы, память, самосознание, свобода), что создает возможность для уточнения возможностей междисциплинарных исследований и «конвергенции» гуманитарного и естественно-научного знания в технологических применениях.

Ключевые слова: гуманитарные науки, естествознание, конвергенция, междисциплинарность, нарративы, ответственность, свобода, самосознание

Еще во второй половине XX в. мирное сосуществование относительно независимых друг от друга естествознания (science, die Naturwissenschaft) и гуманитаристики (humanities, die Geisteswissenschaft) в наши дни приобрело неоднозначную динамику. Главные факторы этой динамики – меняющаяся весь жизненный уклад цифровизация и обусловленная ею экспансия естественных и точных наук¹, ведущая, на первый взгляд, к девальвации гуманитарного знания.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 18-18-00442.

¹ Это выражается, например, в оценке труда гуманитариев по публикациям в журналах, индексируемых в базах Web of Science (WoS) и Scopus, для изданий в области естественных и точных наук.

Однако, перефразируя известный афоризм Марка Твена, слухи о противоположности и даже противостоянии science и humanities сильно преувеличены. Приведу два аргумента.

Первый, почти очевидный, связан с формированием, презентацией и позиционированием научного знания. Любая наука реализуется в трех дискурсах: (1) эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных; (2) каузальных связей и детерминаций между фактами; (3) целей построения и использования знания². Хотя второй дискурс более свойствен science, тогда как третий – humanities, они взаимосвязаны. Так, роль третьего дискурса проявляется при отборе фактов, их распознавании, в обосновании целей, актуальности исследований, их практической значимости. И науки о природе в той же степени зависят от активности познающего субъекта, что и гуманитарные: клавиши одни и те же, просто аккорды берутся разные.

Второй аргумент связан с содержанием этих «аккордов» – идей, концепций, терминов. Концептуальную ткань знания составляют сравнения и уподобления неизвестного чему-то известному, что делает неизвестное понятным, а известное предстает в новом контексте. Если в science операционализация таких метафор, как «сила», «поле», «ток», «струны», «волна», до измерений позволяет подтверждать или опровергать суждения с ними на фактологическом уровне, выявлять корреляции, факторы каузальности, то ряду ключевых концептов гуманитарного знания – «сознание», «самосознание» – до самого последнего времени в этом отказывали. Однако благодаря осмыслению результатов исследований нейрофизиологии мозга, моделирования нейронных систем, искусственного интеллекта, становится понятным, что все намного интересней.

Так, Д. Деннет связывает сознание с эволюцией интенциональных систем, к которым он относит не только людей и живых существ, но и механизмы, компьютерные программы – различия между ними в пластичности адаптации и эволюции, – от жестко заданных реакций к поведению, извлекающему уроки прошлого [Dennet, 2003]. Тем самым интенциональность понимается не производной от сознания как некоей внеприродной сущности, а само сознание предстает реализацией интенциональности как самосохранения и выживания.

А. Дамасио также связывает сознание с гомеостазом, проходящим несколько стадий развития, свойственных эволюции живых систем и развитию индивида [Damasio, 2010, p. 200–329]. Первая стадия – *протосамость* (protoself), связанная с ощущениями, нейронными паттернами в стволовой части мозга, имеющейся у многих животных. Вторая – *базовая самость* (coreself), диагностируемая не только у человека, обусловленная ощущением телесной вовлеченности и сопричастности происходящему, порождая различные доминантные зоны в верхней части стволовой части мозга, таламусе, ряде областей коры головного мозга. И наконец – *автобиографичная самость* (autobiographical

² В этом презентация научного знания подобна нарративной структуре детектива: описание ситуации дополняется построением целостной картины происшедшего, в которой могут обнаруживаться каузальные нестыковки, а завершает картину рефлексия (в духе рассказа Э. Пуаро в финале), достраивающая осмысление до целей участников.

self), связанная с формированием нейронных сетей в коре головного мозга, обусловленных освоением языка, что способствует организации памяти как способности воспроизводить прошлое в нарративах «истории опыта» базовой самости³. Речь идет о самосознании, выражающемся в формирующейся обычно к трем годам способности к рассказам, использующим личное местоимение первого лица единственного числе («я»).

Если протосамость и базовая самость порождаются гомеостазом биологического организма, заданного генетически, то самость автобиографическая – плод гомеостаза социально-культурного, негенетического механизма наследования опыта (Ю.М. Лотман). Самосознание, как память, пропущенная через фильтр биологической ценности, дополненная социально-культурным опытом, – великий результат эволюции.

Возникновение и существование самости, «пребывания в знании о себе» [Henrich, 2007, S. 48–56] поддерживается презентуемым целостным (осмысленным) повествованием⁴ подобно роману как результату коллективного творчества, в котором принимает участие и сама самость. «Другие» одновременно с усвоением ребенком языка вырывают его из причинно-следственных связей, замыкая их на нем, делая его *causa sui* – ответственным за происшедшее, говоря, что это не чашка упала, а он ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Уронил. В этом заключается смысл семейного и школьного воспитания, образования и профессиональной подготовки. Сознание производно от этого «гружения» ответственностью, которая создает базу для свободных решений. Знание причинно-следственных отношений расширяет горизонт связей, которые человек может активировать для достижения целей. Свобода не дыра в бытии (Н.А. Бердяев, Ж.-П. Сартр), а результат формирования самосознания, как гружения ответственностью (М.М. Бахтин, Р. Кейн) в процессе социализации, и в этом качестве она становится добытийным и внебытийным началом бытия в поступках и творчестве.

Выявленная природа самосознания (самости личности) нащупывает главный нерв различия гуманитарности и естествознания – проблему соотношения дискурса самосознания в первом и в третьем лице. Соотношение самости как потока переживаний, недоступной другим субъективности (в первом лице) и как объективированной, доступной наблюдению сущности (в третьем лице) по-разному проявляется в различных культурных традициях. Попытки синтеза этих двух подходов предпринимаются, и все активней. Обе стороны самосознания с очевидностью интегрируются в рассмотрении поступка как вменяемого, мотивированного действия, в развитии формальных моделей рефлексии В.А. Лефевра, в концепции глубокой семиотики (*deep semiotics*), учитывающей роль эмоциональных переживаний личности как источника, средства

³ Речь идет о конкретизации роли коммуникации и языка, но не «вообще», а структурированных в нарративы – сюжетные описания развития событий, факторы такого развития. Это напрямую пересекается с современными исследованиями и рекомендациями, подчеркивающими роль письма, чтения вслух и живого общения в формировании, развитии и поддержании тонуса зон головного мозга, отвечающих за формирование памяти, а значит, и сознания.

⁴ Обрыв повествования, его противоречивость ставят существование личности под вопрос не только в правовом или нравственном, но и в психологическом плане.

и результата осмысления. В аналитиках Д. Деннета, Д. Хенриха фактически реализуется синтез аналитической и феноменолого-герменевтической традиций на основе выявления ключевой роли наррации как источника «неуловимой» сущности смысла.

В таких подходах «конвергируют» друг в друга исследования психологов, нейрофизиологов, историков, лингвистов, филологов, культурологов, специалистов по искусственному интеллекту, раскрываются некоторые перспективы антропогенеза и техногенной цифровой эволюции. При этом речь идет не о «толерантности» как признании права на существование других дисциплин, а о понимании их взаимодополнительности и стимулировании взаимного развития. Это создает мост между самостью в первом и третьем лице, между феноменологией сознания и бихевиоризмом, сохраняя возможности гуманитарных дисциплин в праве, образовании, религии, политике, искусствоведении. Мост этот достаточно прочный, чтобы по нему могли пройти танки цифровых моделей и алгоритмов. Перспективы такого синтеза, однако, заслуживают специального рассмотрения.

Science and humanities: clarification of differences and synthesis prospects

Grigori L. Tulchinskii

National Research University "Higher School of Economics". 16 Soyusa Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190008, Russian Federation; e-mail: gtul@mail.ru

An attempt is proposed to overcome the tough opposition of the sciences and humanities. Both types of scientific knowledge have been realized in three ways of their presentation: factual descriptions, establishment of deterministic dependencies and the target context. Such a common platform allows us to specify their interaction. Thus, the results of psychophysiology studies of the brain demonstrate the potential of humanitarian concepts (narratives, memory, self-awareness, freedom), which allows us to clarify the possibilities of interdisciplinary research and the "convergence" of humanitarian and natural-scientific knowledge in technological applications.

Keywords: convergence, freedom, humanities, interdisciplinarity, natural sciences, narratives, responsibility, self-awareness

Acknowledgments: The research is funded by Russian science foundation, project No. 18-18-00442.

Список литературы / References

- Damasio, A. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon, 2010. 367 pp.
- Dennett, D. *Freedom Evolves*. New York, London: Penguin Books, 2003. 347 pp.
- Henrich, D. *Denken und Selbstsein: Vorlesungen über Subjektivität*. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2007. 380 S.